

ней „замѣчательнаго совершенства формы, подвижности, разнообразія и гармоніи“. Это парадоксальное мнѣніе требовало бы доказательства, которыхъ г. Чуйко почти не приводитъ... Первоначально трудъ г. Чуйко появился въ газетѣ, чѣмъ и объясняется, вѣроятно, краткость каждой отдѣльной его части; теперь, когда всѣ очерки соединены въ одно цѣлое, непропорціональность ихъ бросается въ глаза и нѣсколько вредитъ общему впечатлѣнію.

Съ мнѣніями г. Чуйко о томъ или другомъ изъ изучаемыхъ имъ поэтовъ можно соглашаться или не соглашаться—но нельзя не отдать справедливость добросовѣстности его, стремленію сохранить полное безпристрастіе, мѣткости и тонкости многихъ его замѣчаній. Онъ не подводитъ всѣхъ и каждого подъ одну и ту же предвзятую мѣрку, постоянно принимаетъ въ расчетъ разнообразіе темпераментовъ и дарованій, допускаетъ всѣ роды поэзіи, лишь бы только они были поэтичны. Параллели съ западно-европейской литературой, очевидно знакомой автору не въ лицѣ однихъ только главныхъ представителей ея, служатъ въ его рукахъ хорошимъ матеріаломъ для характеристики нашихъ поэтовъ. Укажемъ, для примѣра, на сравненіе Мея съ Леконтъ-де-Лилемъ, г. Фета—съ современными французскими „парнасцами“, мистеріи г. Случевского („Элоа“) съ поэмой Альфреда-де-Виньи. Вполнѣ симпатичны для насъ мысли о будущемъ русской поэзіи, высказанныя авторомъ въ концѣ книги; онъ представляетъ много точекъ соприкосновенія съ тѣмъ, что часто доказывалось въ нашемъ журналѣ ¹⁾. Г. Чуйко настаиваетъ на необходимости расширить содержаніе поэзіи, внести въ нее новыя тѣмы, приблизить ее къ дѣйствительности. „Не забота объ изысканной и манерной формѣ,—восклицаетъ онъ,—должна быть задачей русскихъ поэтовъ; не мелкій, личный и, въ концѣ-концевъ, эгоистическій субъективизмъ долженъ лежать въ основѣ ихъ художественнаго творчества, не гоньба за „чистымъ ощущеніемъ“ должна составлять ихъ заботы, а симпатическая впечатлительность, способная откликаться на жизнь русскаго общества и, если хватить силъ,—на міровую жизнь“. Г. Чуйко не отвергаетъ даже тенденціозности въ поэзіи; онъ совѣтуетъ „русскимъ парнасцамъ“ идти по слѣдамъ Некрасова, какъ „человѣка своего времени, переживавшаго въ самомъ себѣ все то, чѣмъ жило и волновалось русское общество“.—К. К.

¹⁾ См. напр. статью о новыхъ сборникахъ русской поэзіи въ № 5 „Вѣстн. Евр.“ за 1884 г.